

ВЕЛИКОЛЕПНЫЕ
ДЕТЕКТИВНЫЕ
ИСТОРИИ

Елена Логунова

Атланты держат марку

Марина Крамер

Румба на московской брусчатке

Евгения Михайлова

Болотный газ

Татьяна Устинова

Дело об изумруде

Людмила Горелик

Мария Дюваль принесет вам счастье?

Наталья Александрова

Бронзовое копыто

Валерия Вербинина

Казус инженера Гусева

Наталья Антонова

Темпераментная невеста

ДЕТЕКТИВНОЕ ЛЕТО

МОСКВА
2022

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Д38

ПРИСОЕДИНЯЙТЕСЬ К НАМ!

МЫ В СОЦСЕТЯХ:

www.eksmo.ru

 vmirefiction

Редактор серии *А. Антонова*

Оформление серии *С. Курбатов*

В оформлении обложки использованы иллюстрации:

© Sim Lev, lucky strokes / Shutterstock.com

Используется по лицензии от Shutterstock.com

Детективное лето : сборник рассказов /
Д38 Евгения Михайлова, Наталья Александрова,
Татьяна Устинова. — Москва : Эксмо,
2022. — 320 с. — (Великолепные детективные
истории).

ISBN 978-5-04-162933-5

Многие считают лето лучшим временем года, и совершенно заслуженно! С этим мнением согласны и популярные писатели Татьяна Устинова, Евгения Михайлова, Наталья Александрова, а также их талантливые коллеги по перу. В сборник «Детективное лето» вошли их короткие, но от этого еще более увлекательные остросюжетные рассказы, пропитанные позитивным солнечным настроением.

УДК 821.161.1-312.4

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-162933-5

© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2022

• СОДЕРЖАНИЕ •

Елена Логунова
АТЛАНТЫ ДЕРЖАТ МАРКУ
7

Марина Крамер
РУМБА НА МОСКОВСКОЙ БРУСЧАТКЕ
53

Евгения Михайлова
БОЛОТНЫЙ ГАЗ
94

Татьяна Устинова
ДЕЛО ОБ ИЗУМРУДЕ
135

Людмила Горелик
МАРИЯ ДЮВАЛЬ
ПРИНЕСЕТ ВАМ СЧАСТЬЕ?
146

Наталья Александрова
БРОНЗОВОЕ КОПЫТО
183

Валерия Вербинина
КАЗУС ИНЖЕНЕРА ГУСЕВА
227

Наталия Антонова
ТЕМПЕРАМЕНТНАЯ НЕВЕСТА
264

ЕЛЕНА ЛОГУНОВА

• АТЛАНТЫ ДЕРЖАТ МАРКУ •

Валентина Петровна Мордасова туго завязала горловину черного мусорного пакета и посмотрела в окно.

На небе, как на голубом экране, показывали цветное кино на ускоренной перемотке: розовое солнце закатывалось в черную тучу, та проливалась серым дождем, он превращался в белый туман, окутывал розовое солнце, которое пряталось в черную тучу — и все повторялось. Прекрасное летнее утро. Для Питера, разумеется.

Валентина Петровна проследовала в прихожую к зеркалу, окинула себя в нем критическим взглядом, дополнила временную ручную кладь в виде мешка с мусором обычной сумкой, вбила ноги в туфли и вышла из квартиры.

Захлопнув за собой дверь и не забыв убедиться, что та закрылась, Валентина Петровна проследовала на площадку к лифту.

Шествовала она важно, в спокойствии чинном. Спешить было некуда: гипермаркет, в мясном отделе которого по утрам недорого продавались прекрасные кости, работал с 9:00. Барство, конечно. В родном городке Мордасовой во глубине сибирских руд в такое время жизнь кипела и была ключом. В северной столице к девяти утра к стеклянным дверям гипермаркета подтягивались только собачники с питомцами — конкуренты Валентины Петровны за мясные кости. Но избалованные комфортной городской жизнью песики и их хозяева были сонными, а Мордасова не зевала, так что неизменно успевала первой в забеге собачьих упряжек на золотой прииск. То есть к прилавку в мясном отделе.

Не то чтобы Валентина Петровна страстно любила мясные кости — она просто умела их готовить. Из неказистых фрагментов коровьих и свиных туш путем грамотной их переработки получался превосходный наваристый бульон для борща или горохового супа. А хорошо разваренное мясо необыкновенно облагораживало рассыпчатую

гречневую или пшеничную кашу. В последнее время эти традиционные блюда народной кухни составляли основу рациона Мордасовой. А почему нет? Дешево и сердито. И для здоровья полезно.

Конечно, когда она найдет работу и получит первую зарплату — купит большой кусок мяса без костей. Парную телятину. Вырезку. А пока — посторонитесь, городские собачки, на вашу кормовую базу претендует зверь покрупнее!

В шахте лифта отдаленно загромыхало, заухало, обещая относительно скорое прибытие кабины. Валентина Петровна ее терпеливо дождалась, внедрилась и от нечего делать погляделась в зеркало на стене. То добросовестно и без лести отразило предпенсионного возраста гражданочку типажа Фрекен Бок из мультфильма про Карлсона. Помаду она подобрала неудачно: перламутрово-розовый не сочетался с выкрашенными хной волосами. А вот пухлый мусорный пакет, благоухающий мясными костями, отдавшими все лучшее борщу, который сейчас настаивался на плите в квартирке Валентины Петровны, ей даже шел. Как-то очень органично сочетался с курточкой из секунд-хенда и джинсами с Сенного рынка.

Мордасова дружеской улыбкой приободрила Фрекен Бок в зеркале и вынужденно потеснилась: на девятом этаже лифт остановился, и в кабину летящей походкой, затейливо сочетающей матросскую развалочку и финишный спурт олимпийского бегуна, ворвался юноша бледный со взором горящим. Глаза у него были красные, волосы растрепанные, щеки небритые, а горло натруженное. Колючим шерстяным голосом он прохрипел в дорогой смартфон:

— Чтоб через полчаса был как штык! — и свободной рукой нервно ткнул в кнопку закрывания дверей.

Лифт брякнул, как узник оковами, ухнул, как филин, и возобновил движение вниз. Юноша тяжело вздохнул, помотал головой и дважды аккуратно ткнулся лбом в стену.

Валентина Петровна, успевшая деликатно зажмуриться, чтобы не смущать случайного попутчика пытливым взором, открыла глаза и посмотрела на него с профессиональным интересом.

Не удержавшись, она спросила:

— Проблемы с трудовой дисциплиной?

В телодвижениях бледного юноши она уверенно опознала типичный комплекс утренней гимнастики несчастного руково-

дителя, подчиненные которого уклоняются от свершения трудовых подвигов.

— Вы кто, эйчар? — неприязненно огрызнулся юноша.

— Боже сохрани! — Валентина Петровна размахисто перекрестилась свободной от мешка рукой. — Неужели похожа?

На них она вдоволь насмотрелась, обивая пороги разных учреждений в поисках работы. Эйчары все как один были ухоженными нарядными девочками в очках с простыми стеклами и с лаковыми ноготками. От Валентины Петровны они разительно отличались как внешностью, так и идейными соображениями.

Девочки-эйчары были убеждены, что соискателей старше сорока лет не стоит даже приглашать на собеседование, и запросто могли отказать специалисту с дипломом Московского высшего технического училища имени Баумана изысканной формулировкой: «На эту должность выпускники ПТУ претендовать не могут». Они заканчивали объявление о поиске опытных токарей и сварщиков (по умолчанию — не старше сорока лет) манящими строками: «Гарантируем молодой дружный коллектив и чай-кофе с печеньками» и окончательно отпугивали

представителей суровых мужских профессий обещанием ничем не ограниченного духовно-личностного роста и эффективной прокачки скилзов.

Валентина Петровна про прокачку скилзов и думать не хотела. В приличном обществе о таком не говорят.

— Я кадровик. Просто кадровик, — решительно отмежевавшись от эйчаров со всеми их непристойностями, сказала она юноше с той скромной гордостью, с которой понтифик мог был молвить: «Я Папа. Римский Папа», а знаменитый агент 007 так прямо и говорил: «Бонд. Джеймс Бонд».

— Кадровик? — тусклые красные глаза попутчика зажглись, как кремлевские звезды.

Валентина Петровна приосанилась. Было очевидно, что юный красноглазик, похожий на недокормленного упыря, слышал от древних руководящих вампиров легенды о Великих и Могучих Кадровиках — ныне вымершем племени атлантов.

— С тридцатилетним опытом, — Мордасова сочла возможным похвастаться. — Могу вплотную приблизить к идеалу какой угодно коллектив — от заводского цеха до футбольной команды.

— А можете гр-мр-пр-хр? — юноша прокашлял иностранное слово, которого Валентина Петровна не поняла, но все равно кивнула.

Могу, мол. Что мне, Великому и Могучему Атланту, этот ваш гыр-мыр-пыр? Тридцать лет опыта — это вам не баран чихнул. И не вампир накашлял.

Неторопливый лифт наконец прибыл на первый этаж и торжествующим скрипом предложил пассажирам освободить помещение.

Не тут-то было: красноглазый юноша с нечеловеческой силой одной рукой удержал габаритную попутчицу, а другой ударил по кнопке девятого этажа:

— Вы-то нам и нужны!

Лифт недовольно пыхнул, бухнул, но все же повлек Мордасову и Красноглазика обратно в горние выси.

Валентина Петровна не сопротивлялась. Даже с небольшой задержкой на неожиданную экскурсию в вампирское логово она еще успевала к открытию гипермаркета.

На девятом этаже Красноглазик подвел заинтригованную Мордасову к железной двери с золотистыми циферками, складыва-

ющимися в легко запоминающийся номер 200, извлек из кармана узких коротких штанов блестящий ключик и провернул его в замке.

— Вот! Прошу! — не без гордости провозгласил он, распахнув дверь в темное помещение.

— Офис? — поведя носом, уточнила умудренная тридцатилетним опытом кадровичка, не спеша переступить порог.

Несмотря на то, что в соответствии с поэтажным планом жилого дома за дверью располагалась стандартная двухкомнатная квартира, человеческим духом из нее не пахло.

Пахло нечеловеческим. Прямо-таки трупным. Версия с вампирским логовом приобрела убедительность.

— Да, а что? — Красноглазик канул во мрак того, что в плане было стандартной прихожей, хлопнул ладонью по стене и включил свет. — В ипотеку взял. Это выгоднее, чем офис арендовать.

Валентина Павловна покивала — она тоже приобрела свою квартиру в ипотеку: три года, пять и восемь десятых процента, хорошие условия — и смело вошла в вампирскую, ой, стандартную двушку. Жизнь

временно неработающей одинокой без пяти лет пенсионерки скучна, не упускать же редкий шанс развеяться?

— Вы здесь сами пока, океюшки? Почилите чуть, а я быстро сгоняю, мне позарез... — Красноглазик кашлянул и потер горло под небрежно намотанным шарфом. Под ним была футболка с коротким рукавом — наряд странноватый, но очень питерский. — Сейчас и стафф подтянется, и коник явится, и мы вам джоб-оффер чин-чином оформим.

— А где...

Валентина Петровна хотела спросить, где ей можно присесть, потому что в прихожей ничего похожего на стулья она не увидела — и без того тесное пространство было заставлено колоннами из картонных коробок, но Красноглазик понял ее по-своему.

— Где наш прежний эйчар? — Он вздохнул и развел руками. — Пропала!

Валентина Петровна хотела уточнить — в каком смысле пропала, не в худшем ли? Не вовсе ли сгинула?

Номер на двери, неприятно напоминающий о печальном «грузе-200», и нехороший запах заставляли тревожиться.

Но Красноглазик счел предварительную беседу законченной, потер ладошки и отсту-

пил за дверь, захлопнув ее за собой и оставив кадровика, просто кадровика (а не охотника на вампиров!) в плену двухкомнатной темницы.

— Вот это ты, Валя, вляпалась! — с недоверчивым изумлением сказала Мордасова сама себе и осторожно двинулась в обход картонных колонн, внимательно глядя под ноги, чтобы не вляпаться во что-нибудь отнюдь не фигурально.

Ближайшая дверь оказалась распахнутой настежь. В проеме смутно виднелись массивные угловатые предметы. «Гробы!» — азартно подумала было Валентина Петровна, неплохо представляющая себе интерьер стандартного вампирского жилища по голливудским фильмам. Но нет — это были столы, что выяснилось сразу же, как только отважная женщина посветила в комнату встроенным фонариком мобильного телефона.

На столах во множестве помещались плоские широкие мониторы и компьютеры — модные, серебристые, похожие на тонкие книжки. Ее богатый жизненный и профессиональный опыт включал достаточно близкое знакомство с современной оргтехникой,

так что замшелой бабкой без пяти лет пенсионерка не была.

— Ноутбуки, — поняла Валентина Петровна и в подтверждение сказанного громко чихнула: в логове не только дурно пахло, но и было изрядно пыльно. — Бяки-буки...

Она перешла к следующей двери — та была прикрыта, но не заперта, — толкнула ее и полюбовалась призрачным сиянием, разливающимся в правом дальнем углу, обычно именуемом красным, а в данном случае голубым. Там тоже имелся просторный стол, даже два, и оба с ноутбьяками-буками. Один как раз был открыт и в меру своих сил работал осветительным прибором.

В кухню, санузел и кладовую Валентина Петровна заглянуть не успела. В замке мучительно проскрежетал ключ, входная дверь открылась, и в прихожую, на ходу привычно поворачиваясь боком, чтобы вписаться между коробками, ворвался низкорослый бородатый тип в свитере ручной узорчатой вязки и широких вельветовых штанах, подвернутых снизу так высоко, словно их владелец заранее знал об опасности во что-нибудь вляпаться и постарался минимизировать риск.

— Ваня, ай эм тут! — радостно крикнул он и еще раз айкнул, уже испуганно, едва не столкнувшись с выбравшейся из красно-голубого угла Валентиной Петровной.

— Вы кто? — упреждая аналогичный вопрос, спросила она.

Красноглазик, убегая, пообещал ей скорое прибытие какого-то стаффа и еще коника. Не то чтобы Валентина Петровна всерьез ждала появления большой собаки (стаффордширские терьеры довольно крупные) и маленькой лошади мужского пола (сиречь коника), но гном в вельветовых портках в списке вовсе не значился, а потому по умолчанию должен был считаться посторонним. Пока не докажет обратное, разумеется.

— Я-то Кондратий! — ответил гном после недолгого молчания, которого ему хватило, чтобы вытарашить глаза, почесать в затылке, помотать головой, нахмуриться, скрестить руки под поперечной косой на свитере и притопнуть ногой в зверовидном ботинке на подошве вдвое более толстой, чем «платформы» Валентины Петровны. — А вы кто, тетенька?

— Кондратий — это Коник? — «тетенька» быстро соображала.

18 — Йес, ай эм!

— А стафф?

— А со стаффом проблемы, — гномик Коник погрустнел. — Два фронтенда-девелопера — фьюить!

— Пропали? — понятливо уточнила Валентина Петровна.

Кажется, стало понятно, чем пахнет. Фронтенд-девелоперами, не иначе. Пропавшими. И даже протухшими.

— Йес, оф коз! Гена новых ищет, но где ж их взять... — гном вдруг взволновался, почти подпрыгнул и с новым интересом воззрился на Мордасову. — Но вы ж не он? Не она?

— Не оно, — с достоинством подтвердила Валентина Петровна. — Я кадровик, просто кадровик.

— Дирпопер?! — гном обрадовался, а Валентина Петровна — вовсе нет.

— Я бы попросила! — насупилась она. — Выбирайте-ка выражения. Смотрю, у вас тут проблемы с корпоративной культурой...

— Дирпопер — ит из директор по персоналу! — хихикнув, поспешил объяснить Кондратий.

Дух-дух! — сделала дверь, с размаху врубаясь в картонную колонну и опасно сотрясая устои.

— Кто, кто в теремочке сидит?! — басовито гаркнул здоровенный бурый медведь.

А, нет: парняга в просторной теплой рубашке из ворсистой ткани.

Придержав и умирив взволновавшиеся коробки, он развернулся лицом к комическому дуэту Валентины Петровны и Кондратия и изобразил поклон:

— Рад приветствовать... Клаус!

— Клоун ты, а не Клаус, Коля, иди и впахивай, у тебя код не дописан! — строго прикрикнул на него гном Кондратий, он же Коник.

Валентина Петровна достала из сумки блокнот, в который вносила толковые мысли (они часто появляются на ходу) и списки покупок, она стала фиксировать имена новых коллег и наскоро набрасывать их характеристики. Потом оформит нормальные личные дела.

Вскоре после клоуна-Клауса-Коли появилась Анна (она же Нюха) — очень худая девушка с пирсингом в носу, бровях, ушах, нижней губе и, возможно, в других, менее очевидных местах. Интимные подробности скрывали просторные, сильно на вырост, бархатные штаны запорожского казака и свитер под горло, но без рукавов. При

этом верхние конечности казачки не выглядели голыми — их сплошь покрывали татуировки в виде кельтских символов. У Нюхи были голубые глаза, синие волосы и обкусанные ногти. Валентина Петровна сделала для себя пометку в блокноте: «Настойка красного перца». Очень помогает, если надо отучить ребенка грызть ногти — делает их крайне невкусными.

За Нюхой прискакал долговязый юнец, похожий на молодого жирафа: длинноногий, длинношей, с большими доверчивыми глазами и мягкими губами, из которых торчала палочка чупа-чупса. Жирафик представился Юрой («Юрец-огурец!» — хлопнув его по плечу в высоком прыжке, сказал гном Кондратий), не глядя швырнул в угол сброшенную с угловатых плеч курточку и устремился к столу с компьютером, походя сбив стул и не заметив этого. Через секунду из оккупированного им угла приглушенной барабанной дробью донесся мягкий перестук кнопок клавиатуры.

Вернулся Красноглазик, в миру Ваня, именуемый также Геной — сокращенно от «Генеральный директор»: лицо расслабленное, в каждой руке по картонной подставке

на четыре гнезда, занятых бумажными стаканами.

— Большой американо, раф на кокосовом, крим-латте на миндальном, какао с зефирками, вроде никого не забыл! — он вручил одну подставку подоспевшему гному, а со второй повернулся к Валентине Петровне. — Забыл спросить, на каком топливе вы работаете? Взял капучино, латте и кофе по-советски, все на обычном молоке, сахар отдельно, вот!

— Не ожидала, спасибо, — поблагодарила Мордасова, принимая картонку со стаканами.

— Там еще двойной эспрессо, это Иванычу, — предупредил Гена-Ваня и канул в общий с гномом Кондратием кабинет, на ходу снимая бесконечный, как обмотка аккумулятора, шарф.

Упомянутый Иваныч пришел последним. Валентина Петровна, нашедшая на просторах офисного логова безобразно захлавленную, как все тут, кухоньку, как раз успела расчистить от чашек с засохшими чайными пакетиками и закаменевшей кофейной гущей край стола и присела на прочную с виду коробку (стульев не было и тут), дегустируя предложенный ей кофе по-советски.

— Ньюша, клавишу свою забирай! — кричал вновь прибывший с порога.

Валентина Петровна, загодя вписавшая в свой блокнот ожидаемого Иваныча, собралась было запротоколировать и какую-то Клаву, но вовремя сообразила, что речь о компьютерной клавиатуре.

— Оп-ля! — Прибывший отдал Нюхе плоскую коробку, заглянул на кухню и освободившимися руками хлопнул себя по коленкам. — Что творится-то! У нас нормальный человек?! Ты кто, прекрасное виденье?

Варвара Петровна почувствовала себя польщенной, но проявила уместную строгость:

— Здравствуйте, уважаемый! Меня зовут Валентина Петровна, а вас?

— А меня лучше бы вообще не звали, устал я, — мужик предпенсионного возраста, невысокий, почти квадратный, с коротким ежиком густых седых волос, бесцеремонно сдернул крышечки с бумажных стаканов, нашел свой двойной эспрессо и припал к нему, как истомленный жаждой бедуин. — О, хорошо! Оживаю...

Валентина Петровна смотрела на него холодно, с укором. Мужик под ее взглядом закашлялся, поставил пустой стакан, при-

гладил прическу, стальной ежик которой от этого нисколько не изменился, и наконец представился:

— Иваныч я.

Валентина Петровна добавила в свой взор бодрящего арктического морозца.

— Семенов Андрей Иванович! — вытянувшись во фронт, отрапортовал мужик.

— Хи из админ наш. Иваныч, вольно! — ехидно молвил из прихожей вездесущий Кондратий. — Ши из эйчар.

— «Эйчар!» — Валентина Петровна передернулась.

— «Админ!» — фыркнул мужик и потянулся за стаканом с латте. — Фу, гадость! Еще и без сахара... — он укоризненно посмотрел на Валентину Петровну, как будто это она должна была позаботиться о сладости напитка, и доверительно поведал: — Админ — это по штатке, а так я тут за все, — Иваныч раскинул руки, охватывая захламленные просторы. — И по железу, и если что вообще починить. Они же, мелюзга, ничего не умеют. Крутить отверткой — безнадежно утраченный навык. Мать заменить — в сервис. Клаву перебрать — а как это? Вы представляете, они меня спрашивают: а правда, Иваныч, что в ваше время клавиатуры дере-

вянные делали и, чтобы сменить язык, надо было новую из доски вырезать? А правда, что компы были большие, как дом, из танкового железа и так сильно грелись, что вы на них стейки жарили?

Он сокрушенно вздохнул, шумно выглотал капучино и печально констатировал:

— Поколение гениальных рукожопов. Обитатели виртуального мира. Не то что мы с вами, дорогая Валентина Петровна...

Нахал накрыл руку Мордасовой шершавой мозолистой ладонью, но Валентина Петровна, решительно не готовая так быстро становиться дорогой, выдернула длань из захвата и громко — чтобы все слышали — спросила:

— Еще кого-то ждем или уже весь персонал на своих рабочих местах?

— Ви хэв еще два кодера на удаленке! — ответно покричал Кондратий.

«Еще два кодера каких-то», — записала в блокнот Валентина Петровна и, подняв голову, поймала откровенно сочувственный взгляд Иванныча.

— Ну, ну, — сказал тот и, похлопав не успевшую увернуться Мордасову по плечу, ушел в большую комнату к «мелюзге».

Валентина Петровна допила винтажный напиток (а правда, что в советское время кофе варили в огромных кастрюлях и разливали по граненым стаканам поварешкой?) и стала прикидывать очередность своих первых действий как эйчара, тьфу, кадровика!

Освоиться на рабочем месте, кстати, где оно? Посмотреть, что осталось от предыдущего кадровика, то есть, прости господи, эйчара. Ознакомиться с личными делами коллег... Но сначала пообщаться с руководителем, с Геной, стало быть, который Ваня, и утрясти все детали собственного трудового договора.

— Ваня, можно вас? — Валентина Петровна заглянула в соседнюю комнату.

— Угу, — ответил Красноглазик, не отрываясь от компьютера.

— Иван? — снова позвала она через минуту.

— Угу, угу.

— Товарищ Генеральный директор!

На это обращение Красноглазик и вовсе не откликнулся.

Валентина Петровна немного подумала и решила максимально усилить призыв.

26 Мало что может соперничать по притягательности с виртуальной реальностью. Разве

что волшебное зелье — свежесваренный домашний борщ.

Мордасова сходила к себе на десятый этаж и принесла в логово трехлитровую кастрюлю с борщом, еще одну — с компотом, поварешку, стопку чистых тарелок, башенку вложенных один в другой стаканов, ложки, солонку, перечницу, банку сметаны, головку чеснока, нож и буханку бородинского. Пришлось сделать две ходки, потому что сразу все унести никак не получалось.

Волшебное зелье начало действовать сразу же. Едва Валентина Петровна сняла крышку с кастрюли и мажорный запах наваристого борща перебил амбре чего-то (или кого-то) пропавшего, в большой комнате стих drobный перестук клавиш, в маленькой закрипело кресло, а из кладовки, где, тихо и изысканно ругаясь, возился Иваныч, донеслось исполненное недоверчивого восторга: «Да неужто, вашу мать?!»

Через секунду в дверной проем вдвинулась квадратная фигура, увенчанная серебрящимся ежиком, но Валентина Петровна решительно отмахнулась половником:

— Позову!

Ежик затрясся, понятливо кивая, и послушно отступил, но продолжал взволно-

ванно сопеть в прихожей. Валентина Петровна еще немного подождала и возвысила ласковый голос:

— Ва-ня!

В сочетании с непреодолимо притягательным ароматом борща это подействовало.

— А что тут... — задумчиво шевеля носом, явился Красноглазик: шевелюра в беспорядке, взгляд туманный, вид отсутствующий. Он увидел дымящуюся на столе тарелку борща: — Ой, а я такое не е...

Окончание фразы бесследно потерялось в азартном чавканье.

— Не ешь, не ешь, — согласилась Валентина Петровна, подавив порыв по-матерински погладить взъерошенную голову, низко склонившуюся над быстро пустеющей тарелкой.

Иваныч из прихожей молча показал ей большой палец и улыбнулся, как Чеширский кот.

— Рассказывай, — предложила опытная кадровичка своему Генеральному, когда тот удивленно уставился на дно пустой тарелки. — А я пока тебе добавочки и хлебушек чесночком натру... Какие задачи, условия,

работа проектная или в штат, что с соцпакетом и зарплатой?

— У вас-то? — Ваня-Гена поднял на нее глаза — уже не красные и затуманенные, а сияющие чем-то подозрительно похожим на влюбленность. — Да как скажете! Что угодно! Какие ваши условия?

Валентина Петровна щедро подлила сговорчивому руководителю добавочки и озвучила свои условия. Еще до того, как тарелка вновь опустела, они были полностью и безоговорочно приняты.

— Теперь про производственные проблемы давай, — велела кадровичка и поставила перед шефом стакан с еще теплым компотом.

Из замороженных ягод варила, но все равно очень вкусный получился.

В рассказе о производственных проблемах Валентина Петровна уловила основную суть, лишь мелких деталей не поняла: повествование изобиловало незнакомыми мудреными словами вроде давешнего гырмыр-пыр. В сухом остатке выходило, что компания «Гырмырпыр Гырмырпейшен» разрабатывает современный высокотехнологичный продукт.

— Это будет прорыв на рынке дефай — децентрализованная криптовалюта с открытым кодом, использующая тот же алгоритм хеширования, что и биткойн! — вдохновенно поведал Ваня-Гена.

«Прорыв в гырмырпыр», — перевела для себя Валентина Петровна.

Он намечался вот-вот, в ближайшем будущем, однако на финальной стадии процесс постоянно тормозили какие-то досадные помехи.

— У нас в роадмапе — выход на Ай Си О, листинг на бинансе, — говорил Ваня-Гена, и Валентина Петровна хладнокровно зафиксировала в голове: «Гырмырпыр на гырмырпыре и гырмырпыром погоняет», — а у нас люди из команды исчезают, как испаряются! Один фронтенд-разработчик, второй! Эйчар эта, Ирина или Марина, не помню!

— А как они пропадают? — уточнила опытная кадровичка, у которой никто никогда не пропадал в обход трудового законодательства.

— А как-то! — Ваня-Гена не то просто экспрессивно взмахнул руками, не то с намеком очертил в воздухе некий Бермудский треугольник. — Уходят и не приходят! Ни

в офис, ни в мессенджеры, ни в зум! В сети нет! Абонент недоступен!

— А дома?

— Где?

— Дома! Живут же они где-то, ваши пропавшие? — терпеливо объяснила Валентина Петровна.

— Ну-у-у... Наверное, где-то живут, — согласился Ваня-Гена, но так неуверенно, что стало ясно: пропавшие сотрудники свободно могут жить где угодно — на соседней улице, на Каймановых островах или на одном из спутников Юпитера. Где именно, Генеральный директор «Гырмырпыр Гырмырпейшн» не знает, потому как никогда этим обстоятельством не интересовался. В самом деле, к чему эта скучная проза обитателям метавселенной?

— А еще у нас дон отвалился, — дополнил печальный сказ Кондратий, вызванный на борщ вторым.

— Дон? Какой именно? — Валентина Петровна смотрела на гнома не мигая.

Она-то знала много разных. Есть Дон, который река в европейской части России. И который Жуан. И тот, что главный мафиози...

— Обыкновенный — донатор, — Кондратий, похоже, был не в курсе многообразия вариантов. — Ит из спонсор, заказчик... Короче, он деньги давал на проект. Сначала давал, а потом вдруг перестал, причем без всяких претензий и объяснений. Пропал с горизонта — и все, на связь упорно не выходит, на контакт не идет. Был дон — и сплыл. Но мани!

— Вначале были Гена и Саня, — библейским слогом вещала Нюха, приглашенная третьей.

От чесночного хлеба она отказалась, борща съела только полпорции, зато компота выпила три стакана.

— Ху из Саня? — спросила Валентина Петровна и, спохватившись, что переняла заразительную манеру Кондратия, поправилась: — Кто это — Саня?

Тут снова возникали версии. Если Гена при ближайшем рассмотрении оказался Генеральным директором, то Саня вполне мог быть, например, санитарным инспектором. Звучит же? «Вначале были гендиректор и санинспектор...»

— Саня — бывший друг Вани, они со-фаундерами были, — объяснила Нюха и потрясла пустой стакан, высыпая на ладошку

вишенки. — Основателями проекта. Вместе начинали, донов и спонсов нашли, собрали команду, а потом рассорились и разбежались, теперь вообще не общаются. А были же неразлейвода, даже жить бок о бок собирались, недвижимость купили по соседству...

— Подумаешь, разработчики ушли! — просторно махнул рукой с зажатым в ней чесночным хлебом Клаус, занявший лобное место за столом четвертым. — У нас Интернет пропадает, вот это проблема!

— А потому что пакостники какие-то в доме живут, хулиганят, — высказался Иваныч, накормленный и опрошенный пятым. — Поймаю — руки оторву! Уже два раза оптоволокно резали, твари, а вчера в распределительный щит залезли и электричество отрубили — мелюзга час без света сидела, пока я не починил.

— Странно, а у меня свет был, — припомнила Валентина Петровна.

— А вы где, извиняюсь, проживаете? — заинтересовался Иваныч.

Пришлось признаться, что этажом выше.

— Это просто прекрасно, — оценил админ-на-все-руки-мастер, прокатываясь одобрительным взглядом по внушительно-

му фасаду собеседницы сверху донизу. — Ни опозданий, ни траты времени на дорогу...

— Эх, все бы ничего, да «Корзинка» внизу закрылась, — со вздохом посетовал похожий на юного жирафа Юрец-огурец.

Валентина Петровна кивнула. «Корзинку» она знала — так называлась крошечная кофейня на первом этаже их дома. Неприятельное заведение, даже без столиков, все на вынос, но кофе вкусный и недорогой.

— Мне их поп-кейки очень нравились, — застенчиво признался Юрец. — А Гена там по утрам кофе брал, совсем горячим приносил... А теперь через дорогу мотается, в башне напротив своя «Корзинка», но там всю выпечку быстро разбирают — людей-то побольше.

Валентина Петровна опять покивала, показывая, что она в курсе: двадцатипятиэтажный жилой дом на другой стороне улицы сдали на два месяца раньше, чем их собственный, и он уже был полностью заселен.

— Ну что ж, я знаю, с чего начать, — резюмировала кадровичка, опросив всех сотрудников.

И вызвала уборщицу.

Та оказалась смуглолицей женщиной с черными сросшимися бровями. Увидев,

какие авгиевы конюшни ей предстоит вычистить, она только удивленно приподняла монобровь. Офисный люд впечатлился куда сильнее. Явление народу смуглолицей женщины в платке и брючном костюме из зеленого сатина произвело фурор, который редко случается даже на показах высокой моды.

Нет, новые коллеги Валентины Петровны не оценили стильный образ сотрудницы службы клининга — их крайне взволновала перспектива скорого и неминуемого вторжения в их рабочее пространство энергичной женщины с мокрой тряпкой.

Высказывались опасения, что в процессе уборки что-нибудь крайне нужное и важное непременно будет испорчено и даже напроочь погублено.

Некоторые откровенно истерили, утверждая, что сложные инсталляции из грязных чашек, яблочных огрызков, окурков, пыльных бумаг, убитых и выпотрошенных компьютерных мышек и очень даже живых пауков — нормальный рабочий ландшафт, разрушение которого приведет к планетарной катастрофе. Ване-Гене пришлось показать подчиненным пример и первым отдаться на растерзание, подпустив женщи-

ну с тряпкой и суровым прищуром к своему рабочему столу.

Это оказалось очень правильным решением. Во-первых, штафф смирился и прекратил сопротивление, оставив поле боя за уборщицей. Во-вторых, именно на дальней окраине протяженного стола Вани-Гены под покровом пыли была обнаружена важная бумага.

— Вы это видели? — с аккуратностью художника-реставратора удалив с поверхности документа густой серой ворс, Валентина Петровна показала находку директору.

— Не знаю, не помню, — потер лоб Ваня-Гена.

— Но это ваша подпись? — кадровичка указала на закорючку в углу.

— Похожа, — осторожно сказал руководитель.

— Ит из ранний склероз! — съехидничал гном Кондратий.

Кабинет у них с Ваней-Геной был один на двоих.

— Ит из заявление об уходе по собственному! — возразила Валентина Петровна. — Написано еще в апреле моей предшественницей.

36 — Ириной? — наморщил лоб Ваня-Гена.

— Мариной? — припомнил Кондратий.

Ранний склероз в «Гырмырпыр Гырмырпейшен» определенно был инфекционным.

— Дашей! — устало сказала Валентина Петровна и ушла наводить порядок на собственном рабочем месте, унаследованном за этой самой Дашей.

Как и следовало ожидать, ничего хорошего девочка-эйчар после себя не оставила, только самодельный мотивирующий плакат — бумажную распечатку, пришпиленную к стене веселыми красными кнопками. Мордасова внимательно ознакомилась с коротким текстом под изображением небритого и нестриженого смазливового мужика: «Нельзя просто так взять и закрыть вакансию!» — и выбросила скомканный лист в переполненную урну. Не зря она была крайне невысокого мнения об умственных способностях и моральных качествах эйчаров. Ирина, которая Марина, то есть Даша, даже служебный компьютер оставила девственно чистым, что уж говорить о шкафчике для бумаг — ни одного личного дела!

Зато добросовестная уборщица нашла источник трупного запаха. Оказывается, один из ранних склеротиков — никто, разумеется, не признался — забыл на батарее бе-

ляши с мясом. Давно, когда отопление еще работало. Беляши долго ждали, не дождались и потребовали к себе внимания таким амбре, которое трудно было игнорировать, хотя склеротики и пытались.

Уборщица торжественно захоронила беляши в пакете с мусором. Провожали их всем офисом, зажимая носы и вытирая слезящиеся от вони глаза. Кажется, одна лишь Валентина Петровна не плакала, а тихо радовалась: все-таки запахок ее сильно смущал. Было у многоопытного кадровика опасение — как бы не наткнуться однажды на мумифицированные останки эйчара и пары этих, как их... гырмырпыр-разработчиков.

А еще находчивая сотрудница службы клининга нашла в санузле ведро с флаконами чистящих-моющих средств, плотно заткнутое тем, что поначалу было принято за половую тряпку, но оказалось скомканным синим халатом.

— Тут былъ уборщиц! — предъявив улики Валентине Петровне, сказала смуглолицая фея чистоты и искательно огляделась.

— Пропала, — философски молвила, пожав плечами, Мордасова и пошла к себе на десятый этаж — освежаться и переодеваться после активного участия в уборке офиса.

Определенно, сегодня у Валентины Петровны был день везенья. Сначала ей посчастливилось найти работу, а потом она спасла мир. И не какой-нибудь виртуальный, а самый настоящий — прекрасный внутренний мир своей уютной двушки от катастрофического потопа!

Полифоническое гудение бьющей в стальное дно ванны струи воды она услышала еще в прихожей, но в первый момент не поверила своим ушам, а во второй — глазам: из-под двери санузла к ее ногам поползла блестящая лужица.

Ахнув, Валентина Петровна дернула дверь, прыгнула в разлитое море за высоким — к счастью! — порожком и первым делом хлопнула рукой по крану, закрывая воду. Вторым она достала мобильный и высвистала наверх смуглолицую уборщицу и Иваныча.

Пока женщины в четыре руки и два ведра собирали с пола воду, Иваныч, подкатав штаны, полез под ванну и выбрался оттуда с короткой трубкой из белого гофрированного пластика. Та зияла прорехой — широкой и кривой, как зловещая улыбка клоуна-убийцы.

— Лопнула? — не поняла хозяйка. — Как же так, ведь новая совсем...

— Какой там лопнула, Валя, смотри сюда, — Иваныч стремительно перешел на ты, и с учетом экстремальной ситуации Валентина Петровна ему это позволила. — Видишь, дырка? А от нее разрез в сторону. Это ножом пырнули и полоснули, вода побежала и вытекла!

— Мышка бежала, хвостиком махнула, яичко упало и разбилось, — пробормотала Мордасова, тщетно пытаясь восстановить картину странных событий.

— Я бы той мышке лапки повыдергал! — зловеще объявил Иваныч и искательно огляделся.

— Я живу одна, — поспешила уведомить его Валентина Петровна. — Ключ от квартиры никому не давала. И, разумеется, не устраивала эту аварию сама!

— Точно? А то внизу дорогой компьютерной техники на миллионы рублей, может, ты специально к нам внедрилась для диверсии! — Иваныч то ли пошутил, то ли нет.

— Логично, — задумчиво сказала Валентина Петровна и пошла посмотреть на дверной замок.

Он выглядел неповрежденным и свежих царапин не имел.

— В квартиру проникли другим путем, — постановил Иваныч, тоже осмотрев непорочный замок.

— Воздушным? — съязвила Мордасова. — Десятый этаж...

Образовалась глубокомысленная пауза.

— Тиряпки гиде вешай, на палкон, да? — деликатно вклинилась в нее закончившая работу монобровая уборщица.

Валентина Петровна и Иваныч переглянулись и, толкаясь плечами, наперегонки помчались в гостиную, а оттуда — на балкон. Там-то ситуация и прояснилась. Символическая перегородка между суверенными пространствами соседствующих квартир из существительного превратилась в прилагательное и теперь стояла, прислоненная к стене, ничуть не препятствуя перемещениям из пункта А в пункт Б.

— Валь, да ты с ума сошла — квартиру отремонтировала, а балкон оставила в первоначальном виде?! — охнул Иваныч, без почтения пнув дисквалифицированную перегородку. — Гена наш не лучший в мире хозяин, но и то кирпичные стенки на балконе вывел, во избежание вторжения, так ска-

зять... А кто соседи твои? — Он прошел на чужую часть балкона и бесцеремонно влип лицом в стекло тамошней двери. — Вроде пусто внутри, даже мебели нет...

— Там не живет еще никто, — пояснила Валентина Петровна и припомнила: — На днях ходили какие-то по подъезду, спрашивали, кто сдает жилье, но я им не открыла, подумала — мало ли, вдруг жулики...

— Бери выше — не жулики, а диверсанты, — Иваныч совершил обратный переход через воображаемую границу, вернул на место перегородку и сказал: — Подержи так, я сейчас инструменты принесу, — и убежал в офис.

Валентина Петровна стояла на балконе, чувствуя себя одиноким атлантом. Не небо, конечно, держала, но тоже нечто важное: пассивную оборону. Заодно дышала свежим воздухом (глубоко, размеренно — старательно успокаиваясь) и любовалась природой.

Та на взгляд с десятого этажа в новом жилом районе плотной застройки была представлена преимущественно небом, но оно стоило того, чтобы посмотреть: июнь в Питере — сезон белых ночей. Как раз вечерело, и солнце уже примерялось, в какой

точке оно надолго зависнет на отдых, косые золотые лучи зажигали желто-розовым пламенем окна дома напротив.

Краем глаза поймав острый отблеск, Мордасова дернулась и чуть не уронила перегородку, но вовремя подоспевший Иваныч придержал ее и ловко забил пару гвоздей:

— Все, отходи, дальше я сам.

Валентина Петровна отодвинулась, развернулась к балконным перилам и снова уловила яркий отблеск. Присмотревшись, она подергала за рубашку коллегу:

— Глянь-ка, там кто-то с биноклем?

— Ну! Извращенец какой-то, — быстро глянув и отвернувшись, хохотнул Иваныч. — Что он тут высматривает? Как мы белые флаги выбрасываем?

На балкон как раз вышла уборщица:

— Тиряпки вешай?

— Вешай, — разрешила Валентина Петровна и ушла в комнату, чтобы не мешать, во-первых, и подумать — во-вторых.

Или наоборот.

Вечером, уже после ухода уборщицы и Иваныча, напросившегося на скромный ужин, Мордасова вместе со своими вещами 43

постирала в машинке чужой синий халат, и к утру тот уже высох.

В 8:45 — приличное время для деловых коммуникаций — Валентина Петровна отправила Ване-Гене сообщение: «Сегодня буду позже, нужно кое-что уладить». Сложив в ведро тряпки и флаконы с моющими средствами, она отправилась проверять возникшую у нее рабочую гипотезу. Идти было недалеко — через улицу, в дом напротив.

Вчера вечером Валентина Петровна успела подсчитать, на каком этаже зависал извращенец с биноклем, и теперь уверенно проследовала напрямик на одиннадцатый. В лифте ехала одна — в утренний час народ в основном не поднимался, а спускался, — и в кабине без помех надела поверх спортивного костюма синий халат уборщицы.

На этаже она быстро сориентировалась и заняла позицию вблизи квартир, располагающихся примерно напротив ее собственной. Вооружившись тряпочкой, Мордасова выставила рядом флаконы и приготовилась. Когда из какой-нибудь квартиры выходили жильцы — делала вид, будто наводит чистоту. Не шалит, плитуса отмывает.

На уборщицу в синем халате никто внимания не обращал. Валентина Петровна на

то и рассчитывала. Тридцатилетний опыт работы в кадрах приучил ее к тому, что люди в спецодежде — практически невидимки. Пока они заняты тем, что в пределах служебных функций, никто их не замечает.

Наконец поток уходящих иссяк, и некоторое время в коридоре было пусто и тихо. Потом из лифта вывалился бородатый юноша с картонной подставкой, заполненной бумажными стаканами со знакомыми логотипами «Корзинки» в руках и рюкзаком за спиной. С трудом оперируя сводобной рукой, он открыл замок квартиры номер 324 и скрылся за дверью.

Мордасова насторожилась, как гончая. Триста двадцать четвертая и так уже была у нее на подозрении: из нее никто не выходил. Зато вслед за парнем с кофе потянулись другие люди: один мужчина, второй, потом барышня, и снова парень. Минут через пять распахнулась дверь квартиры напротив, и из нее вывалилась парочка.

— М-м-м, сладкий мой! До вечера! — отлепившись от кавалера, сказала прекрасная дама и зацокала каблучками к лифту.

Валентина Петровна проводила ее задумчивым взглядом: красавица была не по по-

годе одета, слишком легко для начала лета в Питере.

— Пока, Вероничка! — кавалер прекрасной дамы захлопнул свою дверь и толкнул другую — с циферками 3, 2 и 4. — Гуд монинг, банда! С новым кодом, с новым счастьем! — услышала Валентина Петровна, а потом дверь триста двадцать четвертой квартиры, несомненно, являющейся офисом, захлопнулась.

Мордасова некоторое время задумчиво смотрела на латунные цифры, потом кивнула своим мыслям, собрала уборщицкую бутафорию и зашагала к лифту.

В кабинке она сняла халат, аккуратно поместила его в ведро с флаконами и тряпкой. Приобретя вполне цивильный, разве что чуточку странный вид — пластмассовое красное ведро не типичный аксессуар петербурженки, — она заглянула в кофейню на первом этаже и, заказав сладкий латте на нормальном молоке, поинтересовалась у девочки-бариста:

— Не подскажете, почему «Корзинку» в доме напротив закрыли?

— Это у хозяйки надо спрашивать, — пожала плечами бариста. — Хотите, Веронику Игоревну позову? — она кивнула на сте-

клянную стеночку, за которой в подобии кабинета восседала уже знакомая Мордасовой прекрасная дама в облегченном наряде.

Понятно, почему она даже без кофточки из дома вышла: ей всего-то нужно было спуститься на первый этаж.

— Спасибо, не надо Веронику Игоревну, — вежливо отказалась Валентина Петровна и, взяв свой латте, отправилась восвояси.

Но пошла она не на новую работу в офис, а в собственную квартиру. По пути позвонила Иванычу, который — весь внимание и радостное ожидание! — встретил ее у дверей.

— Значит, так, — деловито сказала Валентина Петровна, вручая коллеге снятое со столба объявление о наборе сотрудников в службу доставки. — Сейчас идешь туда и нанимаешься курьером...

— Опять? — вздохнул Иваныч. В его жизни уже был такой опыт — в возрасте 50+ и спецу по компьютерному железу найти работу трудно. Эйчары предпочитают задорную молодежь с любовью к кофе с печеньками и непрокачанными скилзами.

— На этот раз ненадолго, — утешила Мордасова, прояснившая линию карьеры Иваныча вчера за ужином. — Получишь зе-

ленный плащик и большую фирменную термосумку, принесешь их сюда — и свободен.

— Зачем тебе зеленый плащик? — заинтересовался Иваныч.

А зачем ей вместительная термосумка, не спросил. Не иначе, подумал — борщ в офис носить. Вообще-то верно помыслил...

— К чему вопросы? Разве тебе трудно исполнить мой маленький каприз? — Валентина Петровна пустила в ход сокрушительное оружие — женское обаяние.

Когда воодушевленный Иваныч унесся, помахивая бумажкой объявления, как плясунья платочком, она встала к плите и сварила пятилитровую кастрюлю борща.

Двумя часами позже кадровик с тридцатилетним стажем, переквалифицировавшаяся в курьеры, проследовала в дом напротив, радуя глаз прохожих свежей лаковой зеленью плаща, а нос — бодрящим ароматом борща. Кастрюля, даже плотно закрытая крышкой и спрятанная в короб термосумки, горделиво оповещала мир о своем содержимом.

Валентине Петровне даже не пришлось ничего говорить: кастрюля все сказала за нее. Парнишка, открывший ей дверь триста двадцать четвертой квартиры, только шумно